ПРЕДИСЛОВИЕ

Наука о Достоевском, как и всякая наука, подвержена неким собственным внутренним движениям, колебаниям, когда вдруг на первый план выходит что-то, привлекающее все большее и большее внимание, притягивающее к себе все большее и большее количество научных сил. Таким центром притяжения стал в последние годы роман «Идиот». Все возрастающее число работ посвящено именно этому «самому загадочному» из романов Достоевского (см. «Библиографию»), ему посвящаются секции в рамках ежегодных чтений и целые конференции.

За последние годы самые основополагающие исследовательские установки по отношению к «Идиоту» не раз подвергались пересмотру и, по крайней мере, проблематизации. Характер дискуссий, ведущихся по поводу романа, отражен во многих представленных здесь статьях. Характеристика новых направлений и подходов также не требует своего специального рассмотрения в предисловии: сборник в целом дает об их совокупности удовлетворительное представление. Основная линия, ось дискуссии — образ князя Мышкина, что неудивительно, ибо Достоевский писал о своем романе при начале воплощения замысла: «Целое у меня выходит в виде героя». Полагаю, что вспыхнувший интерес к роману не случаен, так как сейчас остро актуален вопрос о том, может ли самый «положительно прекрасный» человек устроить «рай на земле», если он только лишь «положительно прекрасный» ***человек***? Может ли человек своими силами вытащить себя из болота и провала, в котором очутился в результате грехопадения, или своими попытками способен лишь сделать положение окончательно безнадежным? Кто виноват в безнадежности таких попыток: тот, кто их предпринимает, или равнодушные, недобрые, недостаточно самоотверженные окружающие? И так далее. Эти и подобные вопросы заставляют пристально вглядываться в структуру, характер, особенности текста романа в поисках интерпретации, адекватной авторскому за-

мыслу, который все больше утрачивает свою первоначальную очевидность и беспроблемность своей основной интенции — вплоть до постановки под вопрос самого наличия замысла (см. работу Г. С. Морсона).

Между тем, как мне представляется, отправной точкой создания романа были те же волнующие нас ныне вопросы, которые очень остро встали перед Достоевским в предельной экзистенциальной ситуации. Я полагаю, что в знаменитом письме к Фонвизиной «Христос вне истины» для Достоевского — это Христос вне бессмертия, то, о чем говорит Кириллов (роман «Бесы») в своем страшном описании дня Распятия: «Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: "Будешь сегодня со мною в раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. <...> законы природы не пожалели и *Этого*, даже чудо свое не пожалели, а заставили и *Его* **жить среди лжи и умереть за ложь** <...>» (10; 471). Это и есть победившая земная, евклидова логика, «истина вне Христа». Это и надо себе представить как единственную реальность — ибо не в шутку же Достоевский говорит далее в этом письме: «если и ***вправду*** оказалось бы, что истина вне Христа». Достоевский с удивительной смелостью продумывал последние вопросы до конца, он никогда не боялся думать. Если истина вне Христа, то ***нет*** Бога и бессмертия. И тогда приходится выбирать между «законами природы» (которые могут быть понимаемы многообразно, в том числе — далеко не сводиться к поверхностному позитивизму) и Христом, подвластным этим законам вопреки Его собственному учению. И вот в этой-то предельной ситуации Достоевский и говорит о том, что даже в этом случае не все будет потеряно для человека, для него самого, ибо остается еще образ Христов, личность Христова, от красоты которой не мог окончательно отвернуться даже Белинский, «ругавший Христа по-матерну», как с ужасом и отвращением будет вспоминать Достоевский. И ему очень важно знать — все потеряно, или не все? Достаточен «положительно прекрасный человек» для того, чтобы спасти людей рядом с ним, достаточно для людей увидеть прекрасную личность, чтобы быть спасенными?

Собственно, здесь разгадка фразы (приписываемой в романе Мышкину, а в публицистике наших дней Достоевскому): «Красота спасет мир». Фраза эта — не утверждение, из чего исходили почему-то все, пытавшиеся ее разгадать, а проблема, центральная проблема романа: достаточно ли для спасения мира даже и

Христовой красоты, красоты небывалой *человеческой* личности, если эта личность — не Божество? Может ли красота сама по себе спасти мир, или же «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»? То есть — красота сама нуждается во спасении?

Мне всегда зерном романа «Идиот» представлялся странный диалог, не могший не потрясти глубочайшим образом души молодого Достоевского, ибо происходил он, помимо всего прочего, за пять минут до того, как его должны были расстрелять. Кстати, думаю, именно потому, что и сам писатель осознавал этот диалог и этот свой предсмертный опыт как зерно романа, он его и вводит вместе со всей сценой казни в роман «Идиот» в скрытом виде. В романе князь так передает рассказ приговоренного к смерти: «Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом» (8; 52). О том, какой это был «посторонний» вопрос и заинтересовавший Достоевского ответ, мы узнаем из записки Львова о деле петрашевцев. Достоевский подходит к Спешневу с вопросом: «Мы будем там со Христом?» «Горсткой праха»,— отвечает Спешнев. Это радикальное отрицание бытия Божия и утверждение окончательной смерти Христа: «Мы будем там горсткой праха, какой стал и Христос»,— вот что услышал Достоевский накануне собственной казни. Именно поэтому в центре романа и появляется картина Гольбейна, именно поэтому, оказавшись перед этой картиной в Швейцарии Достоевский был до такой степени поражен — полагаю, в его ушах вновь прозвучало спешневское «un peu de poussière».

Интерес к роману «Идиот» вполне интернационален, что демонстрирует состав сборника. В конце, в качестве приложения, публикуется принципиально важное для изучения всего творчества Федора Михайловича исследование восприятия Достоевского (его произведений и самого образа писателя) отечественной публикой. Кстати, как видно из материалов опросов, роман «Идиот» стойко занимает второе место среди наиболее читаемых произведений писателя — сразу после «Преступления и наказания», входящего в школьную программу.

В разделе «Библиография» (в качестве первого опыта, конечно, не могущем претендовать ни на какую завершенность и полноту) приводятся работы, посвященные роману «Идиот» за последние примерно тридцать лет; особое внимание, однако, уделено работам самого последнего времени.

Осталось добавить только, что для нас — я полагаю, для всех участников этого труда — это не подведение итогов, но — веха в пути.

Татьяна Касаткина

Редколлегия выражает искреннюю признательность Сергею Костырко, без постоянной терпеливой помощи которого наш труд не имел бы возможности состояться.

Все цитаты из произведений Ф. М. Достоевского приводятся по Полному собранию сочинений в 30 томах (Л., Наука, 1972—1990). Том и страница указываются в скобках после цитаты.